хотел заметить, почему его оппонент сосредоточил свое внимание прежде всего на анализе приписки 1553 г. Именно в этой приписке находится «ключ» к определению возможного автора интерполяций.[42]

Во избежание недоразумений надо подчеркнуть, что частый в тех или иных летописях тенденциозный подбор сведений не подлежит сомнению, нередко вполне ясна их политическая направленность.[43] В официальной летописи, каковой являются лицевые своды Грозного, совершенно очевидна ее главная линия: утверждение и прославление Московской державы, Российского царства и главы этого государства — великого князя Московского, с 1547 г. царя.[44]

Но, само собой разумеется, есть глубокая разница между подбором исторических фактов и выдумыванием или сознательным искажением их. Если действительно Висковатый был автором приписок, достоверность рассказа о событиях, излагаемых в приписках, значительно повышается, хотя в них тоже проявляется авторская субъективность в отдельных характеристиках (например, Сильвестра) и проводится общая политическая тенденция в духе царской политики конца 60-х годов XVI в., правда, с некоторыми отклонениями в подробностях.

II

Почему же нельзя принять гипотезу Д. Н. Альшица? Прежде всего потому, что характер приписок обнаруживает в нескольких пунктах важные, коренные расхождения с личным мнением Грозного, в частности с его письмом от 5 июля 1564 г. Курбскому. По Д. Н. Альшицу, царь, делая приписки, стремился «увековечить» «как оправдательные, так и обвинительные доводы царя из его полемики». На самом же деле нет тождества между отношением Грозного в письмах к Курбскому к «собацкой власти», т. е. к Избранной раде, и отношением автора приписок к Сильвестру и к Алексею Адашеву в приписке под 1553 г.

[42] Д. Н. Альшиц уверяет, что в манере «резкого и, как правило, не подкрепленного аргументацией осуждения Н. Андреев говорит обо всех советских историках, занимавшихся эпохой Ивана Грозного» (Д. Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый, стр. 625). Те, кто знает мои работы по истории Руси XVI в., вероятно, сразу же заметят несправедливость утверждения Д. Н. Альшица. Я действительно возражал против мнения И. И. Смирнова, будто Алексей Адашев не хотел присягать в 1553 г. малолетнему Дмитрию, но против этого мнения возражал почти в тех же выражениях А. А. Зимин (И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 171) и позднее сам Д. Н. Альшиц (Крестоцеловальные записи, стр. 152). В указанной выше статье (стр. 99, 103, 111) я трижды солидаризируюсь с мнениями И. И. Смирнова, который, как я отмечаю, вплотную подошел к «тайне» приписок. В другом случае я не соглашался с С. В. Бахрушиным (N. Andreyev. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, t. XXXIII, № 81. London, 1955, стр. 422, прим. 46; мои слова «undue imaginativeness» — «ненужное воображение» Д. Н. Альшиц переводит как «излишнее фантазирование»), но приводить мои аргументы в примечании я не имел возможности. Также я не соглашаюсь в одном пункте с Я. С. Лурье, называя его мнение «не отвечающим месторазвитию и беспочвенным» (Д. Н. Альшиц переводит «нелепым и необоснованным»), однако в обеих указанных статьях, а также и в других работах я многократно солидаризируюсь с тезисами Я. С. Лурье; книга «Послания Ивана Грозного» (М.—Л., 1951), подготовленная Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье, названа мною «очень ценным и полезнейшим изданием» (N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 414).

[43] Работы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко, А. Е. Преснякова, Н. Ф. Лаврова, С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, С. П. Розанова, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. А. Зимина и других исследователей дают исчерпывающие доказательства этому тезису.

[44] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культуро-историческое значение, стр. 362 и сл.